

Савва Текели в России. (1787-1788).

Задолго до большого переселения Сербов из Венгрии в Южную Россию, при Елисавете Петровне, выселились к нам в одиночку Австровенгерские Сербы, поступав большею частью на службу в Сербский гусарский полк и получая земли в Малороссии. Таким был Петр Аврамович Текели, прославившийся впоследствии уничтожением Запорожской Сечи и дослужившийся до чина генерал-аншефа. Другой Серб, тоже генерал Русской службы Екатеринских времен, Семен Пищевич в своем рукописном «Известии о выходе Сербского народа в Россию», так выразился о старом Текели: «Он служил столько, сколько и каждому повелевает его долг; но в продолжение всей своей жизни имел такое счастье, что не только достиг до великой старости, сохранив при этом крепкое здоровье, но еще на него сыпались чины, ордена и великое богатство, женат он не был и, стало быть, детей законных не имел, но оставил после себя двоих побочных, сына и дочь, которых и назначил наследниками большей части своего имения, передав им и свою фамилию».¹

У этого Текели было несколько братьев, на которых некоторые также переселились в России; но один из них, Райко, остался в Венгрии, где имел дом в городе Араде. У Райки был сын Савва (род. 17 Авг. 1761, ум. 21 Сент. 1842 г.), прославившийся в нынешнем столетии пожертвованиями на пользу народного образования Венгерских Сербов, для их педагогических и литературных учреждений и даже уделивший небольшие деньги Мадьярской академии и реформатской коллегии в Дебричине. Это был в полном смысле слова, Старосербский меценат и Венгерский меценат. Он дожил до того времени, что день его именин, в который приходилась и память св. Саввы, просветителя Сербии; стал праздноваться во всех школах у Венгерских Сербов. Имениями и капиталами его, завещанными на пользу народного образования, управляет общество, пребывавшее сперва в Пеште, а с 1864 года в Новом Саде, и называемое «Сербскою Матицею». В библиотеке нового общества хранится автобиография Саввы Текелли, и на основании ее, еще по поводу столетнего юбилея со дня его рождения, известный Сербский юрист и драматург Иован Субботич составил очерк жизни Саввы (изд. в Будиме в 1862 г., на 73 стр.). В прошлом 1877 году, в 119 книге «Летописей Сербской Матицы» появилась на свет сама автобиография, впрочем только начало ее (стр. 1—81); окончание должно быть, напечатано в следующих двух книгах. Помимо общего интереса, который представляют биографические сведения о Савве Текели, его жизнеописание интересно для нас и потому еще, что в нем сохранены более или менее подробные известия о трех путешествиях Саввы в Россию. Самое продолжительное и интересное по своим подробностям было первое, начавшееся в Мае 1787 и окончившееся в Сентябре 1788 года. Оно совершено было по вызову дяди Петра Аврамовича Текели, который думал было назначить Савву своим наследником, но потом разошелся с ним. В это путешествие Савва проехал от южно-русской границы в Новосербию, оттуда через Кременчуг, Полтаву, Курск, Тулу, Москву, Тверь и Новгород до Петербурга, и затем через Шклов, Могилев, Чернигов, Киев, Аксайскую станицу и Ставрополь в Георгиевскую крепость, где была главная квартира Кавказской армии, которою тогда командовал П.А.Текели и Второе путешествие, начавшееся 10 Октября 1811 года и окончившееся в Феврале 1812 года, и третье относящееся к 1816 году были кратковременны, имели целью разрешение фамильных споров о наследстве и ограничивались посещением родственников в Миргороде, Елисаветграде и Херсоне. Мы остановимся, только на первом путешествии, но предварительно скажем несколько слов о молодых годах Саввы.

Савва Текели с детства отличался находчивостью, смелостью и желанием быть независимым от других. Он рано понял, что лучшими средствами к тому могут быть образование и богатство. Конечно, овладеть обоими этими средствами помогли ему природные дарования. Вместе с тем он рано стал мечтать о военной службе в России. В 1773 году приезжал в дом его родителей Русский майор, дядя Лазарь, раненный в боях с Турками в Валахии, и подарил, ему с братом и сестрой 100 р, от имени Петра Текели. В следующем году приезжал из России, от другого дяди, Константина, поручик Иован для принятия доходов с его Венгерских Имений. В это время Савва прошел уже первоначальную и Латинскую школы в городе Араде, где он вместе со своей семьей имел случай в 1770 году быть представленным императору Иосифу II, как потомок основателя этого города Иована Текели, после которого долгое время сохранились в их семье две медали: серебряная с изображением Петра Великого, украшенная бриллиантами и золотая на таковой же большой цепи, пожалованная Иосифом I. С 1775 года Савва учился в Будимской гимназии сперва в классе поэзии, потом риторики,

который и окончил уже в Араде, куда переехал по болезни. В 1779 году и следующем он слушал курс философских наук при университете, который тогда только что переведен был из Тирнавы в Будим и потом в Пешт, и кроме того учился рисовать у известного тогда профессора Вальтера. Едва только исполнилось: Савве 19 лет, как мать стала принуждать его к женитьбе; но Савва наотрез отказался объявив, что желает окончить свое образование. Родители отпустили его из дому; но не дали на дорогу ни крейцера. Оказалось что у Саввы были свои деньги. В 1779 году он получил от дяди Петра 100 р. и сберег из них значительную часть, а кроме того имел золотые часы, им самим приобретенные, и дорогой мех, приобретенный в России. Расчитывая на эти средства, он отправился в Вену, да еще захватил с собой слугу, которого одел прилично. Попытка поступить в Венскую инженерную академию не удалась и Савва стал посещать университет, где слушал высшую математику у Зонненфельса, анатомию у Лебера, химию и ботанику у Жакмена, полицейское право у Бема, каноническое у Цейлера, естественное и свеобщее у Банхида. У Саввы были большие способности к изучению языков: зная уже Сербский, Молдавский и Немецкий он в течение двухлетнего своего пребывания в Вене успел ознакомиться с Французским, Итальянским и Испанским, и при всем том не покидал уроков рисования и игры на флейте. Жил он, конечно очень бедно, обеды его стоили не более 8 или 10 крейцеров (от 5 ? до 7 коп. сер.), а ужинов вовсе не было, и при всем том пришлось отпустить слугу, потом продат Русский мех за 36 дукатов, и, напоследок, заложить золотые часы. Наконец, средства истощились и Савва написал родителям, что и сам желал бы вернуться домой, но не дозволяют сделать того долги. Родители прислали 50 дукатов. С получением денег у него возникла мысль докончить курс юридических наук в Пеште, а потом он написал отцу и матери, что присланных ими денег недостаточно для покрытия долгов. В ответ на это получены были еще 40 дукатов. Тогда только Савва отправился в Арад, и хотя мать опять настаивала на женитьбе, но сын одержал верх и уехал доучиваться в Пешт, на этот раз сопровождаемый благословениями и деньгами от родителей. Таким образом, начав в 1782 году слушание юридических наук в Пештенском университете, Савва Текели в 1785 году окончил его и затем после блестящего публичного диспута в мае того же года получил степень доктора «прав». Он был первый серб, достигший этой степени. Президент Наместнического Совета не замедлил предложить ему место секретаря в этом учреждении; но Савва отказался от столь лестного предложения, мечтая о военной службе, и притом в России. Действительно, старый Петр Текели прислал в следующем году письмо к родителям Саввы, в коем просил их отправить к нему своего сына, которого он намерен назначить своим наследником. Отец и мать не хотели отпускать Савву в Россию, но брат Петр, не любивший Савву и надеявшийся, что он навсегда останется в России, купил ему четыре лошади, нанял прислугу и снарядил его в путь. Родители потребовали, чтобы он, повидавшись с богатым и заслуженным дядею, возвратился на родину.

Проехав Дебричин и Кшицу (Кашау), Савва Текели перебрался у Комарника через границу между Венгрией и присоединению к Империи Габсбургов за 15 лет пред тем, после первого раздела Польши, Восточную Галицию. Здесь он был свидетелем грубого обращения Немецких чиновников с Поляками. Проезжий Немец-канцелярист, остановившийся в панском доме, шумел и бравнился за то, что не дали овса его лошадям, Текели разспросил, по-латыни Поляка, к которому относилась брань и узнав о причине ее, обратился к проезжему на Немецком языке за разъяснениями. Тот, хотя и отвечал, что иначе нельзя держать себя с Поляками, которые не заслуживают благородного обхождения; но, заметив на Текели Форменное платье, принял его за немаловажного чиновника из Венгрии и извинился пред обиженным. В пределах тогдашней Польши Савва имел случай наблюдать около Бердичева народные свадебные обычаи, при чем его внимание особенно остановили на себе постоянные выкупы, посредством которых провозятые жениха должны были овладевать сперва входом, а потом и почетными местами в доме родителей невесты. Подобные же обряды он имел случай наблюдать потом и в России, в деревнях своего дяди, особенно в селе Александровке. Ему особенно нравилось, что всякий шаг в свадебном ритуале сопровождался особою песнею. Он даже просил сельского писаря записать им песни, обещая заплатить за труд; писарь соглашаясь на то, но не исполнил своего слова.

Граница между Польшей и Россией шла в то время, между прочим, под самым Миргородом, на расстоянии четверти часа езды от него. С Польской стороны расположено было имение князя Любомирского; а на Русской – деревня Листопадово. Таможенный офицер, взглянув на паспорт Саввы, велел немедленно пропустить его, а сам послал гонца к генералу Текели, жившему тогда в Миргороде, с известием о приезде его племянника. Двор Петра Текели находился на южном крае города. Во дворе стоял большой дом. Большая дорога шла вдоль дворовых служб, и по ней поселено было 70 Черногорских семейств, между коими еще слышался Сербский говор. С восточной стороны Текелиева двора построено было 16 хат, в которых жили крепостные генерала, переселенные из его

Витебских деревень и обязанные работать около дома и сада. В получасе хотьбы от города находилась большая пасека для пчел, также принадлежавшая Петру Текели, а подле нее роща и до 2, 000 десятин пашен и лугов, спускавшихся к реке Бугу, которая составляла тогда границу с Турцией. Здесь было большое село в 300 дворов, называвшееся Михеево, и водяная мельница о двенадцати колесах: и село, и мельница принадлежали тому же дяде Саввы, по замечанию которого у Петра Текели было еще 25 деревень в Витебской губернии, пожалованных ему за уничтожение Запорожской Сечи, Миргородский дом генерала Текели заключал в себе до двадцати комнат с паркетными полами и красивыми шпалерами; стены были из огромных дубов, подаренных князем Любомирском из его Листопадовских лесов. Службы при доме были чрезвычайно обширны, конюшня о 70 стойлах. Тогда в Миргороде были две церкви: святого Николая, построенная при содействии Петра Текели и небольшая церковь для Черногорцев. В Миргороде находились уездный и городской суды, полициеймейстером был генерал-майор граф Подгоричанин. Во время вторичной поездки Саввы в Россию, Миргородские владения Петра Текели были уже в сильном запустении. Он оставил их своему незаконному сыну, но тот промотал их: дом и двор поступили в собственность губернского управления, которое и назначило их в жительство епископу. Но когда епископская кафедра переведена была в Херсон, то все опустело, и только гробница Петра Текели в Николаевской церкви напоминала о том времени, когда в Миргороде преобладала шумная жизнь Сербских милиционеров.

Но, во время первого путешествия Саввы, покоритель Запорожцев был в полной своей славе. Начинаясь новая война с Турцией, и против нее выставлены были три армии: сам Потемкин имел непосредственное начальство над Молдавскою, а Крымскою и Кавказскою командовали Суворов и Текели, находясь лишь в номинальном подчинении у Потемкина. В Кавказской армии насчитывалось до 84,000 человек; ее поддерживали две флотилии, одна со стороны Каспийского моря, другая со стороны Черного. Одним из конных полков ее командовал Селим-хан, сын последнего Крымского владетеля, отдавшегося России, а над одним из пехотных полков имел начальство сын Грузинского царя. Оба они были молодые люди с небольшим лет 20-ти, жили тогда при Петре Текели, и Савва водил с ними знакомство.

Первое свидание между дядею и племянником было радушное. Едва только получено известие о приезде Саввы, который остановился в простой корчме, как явился к нему адъютант звать к генералу. Переодевшись Савва поехал на генеральский двор и был встречен дядею на крыльце. Старик обнял и поцеловал его. Из первых разговоров Савва узнал, что за 8 дней до его приезда через Миргород проехал Иосиф II, целью которого было видеться с Екатериною II, для взаимного уговора на случай Турецкой войны. Но, для прикрытия этой цели, свидание их было устроено под видом большого смотра войскам, для которых и устроен был лагерь под Херсоном и отдельные стоянки по всем окрестностям. Во время смотра Херсонским лагерем командовал Петр Текели, который рассказывал племяннику, что когда он обедал у царицы, то она заметила, что черты его лица напоминают портреты Петра Великого, почему приказала снять с него портрет и взяла его с собой для Эрмитажа. Окончив смотры и разставшись с Иосифом, Екатерина возвратилась в Петербург, а князь Потемкин остался в Новой Сербии для дальнейших распоряжений и купил село Михайловку, как бы для сельскохозяйственных занятий, но в сущности имел в нем свою главную квартиру.

Ежедневно по вечерам били зорю, почти всегда в присутствии Петра Текели. Тут Савва насмотрелся на полки, расположенные тогда между Херсоном и Миргородом. Это были легко-конные гусары, и прежде их полки назывались Сербским, Молдавским, Черкесским и т.д.; но Потемкин дал им названия по городам: Сербский полк переименован был в Ольвиопольский и стоял тогда в Миргороде. Петр Текели некогда был полковником в нем. Савва рассказывает, что в Петров день, когда старый Текели был именинник, от названного полка прислан был к нему целый эскадрон со всеми музыкантами в богатом убранстве, отчасти сохранявшем память о Сербских нарядных одеяниях. Музыканты сыграли на своих серебряных трубах три Сербских песни и после развода офицеры позваны были к обеду, к которому были приглашены также некоторые из жителей Миргорода и окрестных селений с женами и дочерьми. В числе гостей был и Русский консул из Молдавии с женою и двумя красивыми дочерьми, 15 и 16 лет, одетыми помолдавански с открытым до соблазна (как замечает Савва) станом. Всего охотнее говорили они погречески, но могли также изъясняться порусски, понемецки и порумынски. Обед происходил в зале и четырех боковых комнатах; и посуда и приборы к ней были серебряные. После обеда начался бал. Пока другие плясали и танцевали, дядя взял Сербских офицеров в особую комнату и там веселился с ними ибо никогда не хотел пускаться в дружеские отношения с Москалями. Тут пелись Сербские песни и повторялись частые обнимания. Особенно обер-лейтенант Иванов (вероятно называвшийся прежде Ивановичем) из Самбора знал много Сербских песен. После полудня прибыл генерал-майор князь Любомирский и зашел в ту комнату. Иванов сказал ему: «На, князь, пей!». Князь, видя его уже пьяным, отвечал: «благодарю, не

могу пить». Тогда Иванов сказал посербски: «на кой чорт занес тебя в пьяное общество, когда не можешь пить!». Князь заметил: «жажды нет», на что Иванов возразил: «а кто видал, чтобы вино пили от жажды? Пей же, князь» и заставил его выпить. «В другой комнате было много девиц с которыми я любезничал; между ними была дочь городничего, которую я и обнял однажды; но в эту минуту вошел адъютант дяди, майор Ольшавский, который и пожаловался на меня дяде, ибо сей последний сказал мне, чтобы я не обходился так дерзко с девицами. Этот адъютант строил куры жене полковника того же полка Лисиневичевой, но она была благосклоннее ко мне, нежели к майору; дядя и о ней заметил мне, что она полковница и что я должен относиться к ней с великим почтением. Да, подумал я, если бы ты, дядюшка, знал как она меня обнимает и целует, когда никто нас не видит, что бы тогда сказал ты? И в самом деле, мне было всего 26 лет, и всякой женщине я нравился.

Проводя время в таких забавах, среди новых знакомств с людьми, не забывшими еще Сербских обычаев. Савва Текели возбуждал нерасположение к себе в некоторых людях, окружавших его дядю. Так он сделался неприятен Иванову, который считал себя лучшим стрелком, ибо мог убить из ружья орла, сидящего на высоком дубе. Савва сказал ему при других, что все это может сделать всякий, кто умеет владеть ружьем. Дядя послал их вместе на охоту, и хотя в роще не попалось им на этот раз ни одного орла, ни зайца, но на обратном пути, идя полем, Савва подстрелил на лету перепела, жаворонка и ласточку. Иванов должен признать в нем опасного для себя соперника. Само собою разумеется, что с опасением узнала о прибытии Саввы и любовница старого генерала, желавшая, чтобы все наследство после него досталось ее детям, а не приехавшему из Венгрии племяннику.

Вскоре после именин дяди Савва Текели стал проситься у него в Москву и Петербург. Дядя повез его сперва к князю Потемкину. «Пока дядя говорил с князем (сказано в автобиографии), я был в зале, где генерал-аншеф князь Репнин беседовал со мной; но вот отворились двери и дядя ввел меня в комнату, где находились графиня Браницкая и еще две дамы. Потемкин с веселым видом сказал им обо мне по-французски, а он, осмотрев меня с ног до головы, не промолвили ни слова, что возбудило во мне досаду; затем мы вышли в залу, где вслед затем обедали и потом возвратились в Миргород».

Отпуская племянника в путь, Петр Текели дал ему две тысячи рублей частью на дорожные издержки, частью на покупку церковных одеяний для церкви в Михееве, которые могли стоить до 1,000 рублей. Кроме того дядя дал Савве рекомендательные письма к подполковнику Преображенского полка, генералу Петру Васильевичу², к графу Безбородьке и князю Потемкину, прибавив, что последний также хотел дать ему рекомендательные письма в Петербург. Дядя наставлял племянника, чтобы на вопрос Потемкина о том, скоро ли он отправится к Кавказской армии, давал такой ответ и сам дядя. Наконец, дядя распорядился, чтобы Савве дан был в спутники стражмейстер, в роде кондуктора. С ним и с своим слугою Савва в тот же день, как выехал из Миргорода, прибыл к вечеру в Михайловку, где жил Потемкин. За поздним временем он располагался уже спать, как к нему явился адъютант с приглашением немедленно явиться к князю. Потемкин, расспросив Савву о дяде и получив вышепомянутый ответ, оставил Савву на ужин, а адъютант князя барон Вейс объяснил ему, что для него приготовлено помещение в одном из княжеских шатров; но Савва пожелал ночевать в занятой им квартире. На развете следующего дня он был разбужен стражмейстером, доносившим, что князь и весь генеральный штаб удалились ночью из Михайловки, ибо приехал курьер с известием, что Турки перешли через Буг. Хотя место переправы находилось в двенадцати милях от Михайловки и весь край был занят многочисленными войсками, но князь поспешил удалиться за Днепр, а Кременчуг. Все лошади из Михайловки были взяты под вещи главной квартиры. Пришлось посылать за подводой в ближнее село. Пока за ними ходили, Савва успел побывать на дворе у князя; но там все было растворено и пусто, одни разодранные письма валялись на полу. Возвращаясь к себе, Савва встретил на улице генерала Давида Неранчича, который спросил его: «Что приятель? Охладел раскосый³? Отчего это?» Савва, не отвечая, спросил в свою очередь: «Как нам быть?». Неранчич советовал ждать возвращения лошадей из-под главной квартиры и потом следовать за ней. Но Савва предпочел заплатить десять рублей за трех лошадей, приведенных стражмейстером до первой станции, и направиться иным путем, мимо главной квартиры, через Крюков. Савва не ошибся в расчете. Когда они выехали из Михайловки, то весь путь к Кременчугу усеян был конными беглецами с женами, детьми и скотом; но, свернув несколько в сторону, наши странники могли уже мирно продолжать путь, тем более, что Савва запретил своим слугам распускать весть о Турках. Однако, это происшествие было причиною, что Савва так и не получил от Потемкина обещанных рекомендательных писем и много жалел о том. В Кременчуге Савва виделся с другими своими родственниками, а также с генералом Хорватом. Чрез несколько дней получены были известия, что Турки ударили на Кинбурн, где командовал Суворов. Все военные власти спешили на свои места, и Савва решился продолжать путь на Полтаву.

До сих пор Савва Текели знал Россию только в ее новых поселениях. На сколько роскошно и беззаботно жилось среди разноплеменного военного люда, расположившегося вдоль окраин государства,на столько бедна необходимым для путника удобствами была жизнь во внутренних губерниях. В Полтаве не нашлось гостиницы, где бы можно было остановиться, а только кофейня, где давали напиток чаю или кофе, но печеного хлеба и жаренного мяса можно было купить только на рынке. «Тут я впервые увидел, замечает Савва, что иное дело – Россия господская, иное – Россия вне господского двора: Никакого пристанища для путников. Я пошел осматривать город,где было очень мало приличных зданий и почти все из дерева; тут был уездный суд, городские и прочие управления; тут стоял столб, поставленный на память о победе Петра I над Карлом XII, короле Шведским. Не имея что смотреть, я вернулся к своей телеге, ожидавшей меня на рынке,где сидели торговки, продававшие жаренное мясо,хлеб, сыр и проч. Я спросил моего проводника: везде ли так в России? Он отвечал: Ей Богу, так, и здесь надо купить и взять с собой, что нам нужно. И так он купил четверть жаренного барана, сыру, хлеба, несколько белых хлебцев и соли, ибо мясо едят не соленое. А какой в нем вкус? Приходилось больше питаться сыром и белым хлебом, чем черным и тем жареным мясом. А при том никакого вина, одна водка, которой я не мог пить.» В Ахтырке Савва Текели видел чудотворную икону Богородицы в богатых ризах и киоте, увешанном серебряными изображениями глаз, ног, рук и других исцеленных частей тела. Приехав в Курск, Савва заметил, что это был первый Великорусский город. «До тех пор, говорит он, попадались все Малороссияне, люди высокого роста, с бритыми головами и оставленным на макушке клочком волос, за что Великороссияне называли их хохлами; но все это был народ простой, довольно глупый в речах своих и неловкий в движениях, совершенно различный от Великороссиян, даже по языку и одеянию; словом, по всем они казались людьми тяжелыми; а Великороссиянин скор, поворотлив, быстр, добр, храбр, обманщик, что у Малороссиян бывает редко».

Переменив в Курске лошадей, Савва получил в извозчики парнишку лет 12-ти. При выезде из города им пришлось ехать по плотине вдоль большого пруда. Они догнали телегу, в которой сидела молодая женщина лет 19, а лошадьми правил 10 или 11-летний мальчик. Савва шутя сказал своему проводнику: отнимем молодуху у парнишки; но проводник возразил: да ведь это его жена. Савва удивился, что у мальчика может быть женою такая баба. Проводник посоветовал Савве спросить о том своего извозчика, который не только подтвердил сказанное стражмейстером, но еще спросил Савву: разве не видали мою жену, что принесла в котомке хлеба? Но Савва припомнил, что то была женщина лет под 40 и не поверил было рассказням своего извозчика. Но тот так просто передал ему об отношении своего отца к снохе, о дух детях, записанных на его имя, и прибавил, что он дожидется своей очереди, когда женит своего парнишку, что Савва пришел в ужас. Но в последствии, вернувшись в Венгрию, Савва должен был в примечании к этому месту своей автобиографии, сказать, что и у Венгерских Русняков существовал подобный же обычай, только обратный: там выдавали замуж девочек лет 7 или 8 и принимали к ним в дом взрослых парней, права над которыми принадлежали тещам.

Проезжая на пути ко Мценску селом Долгим, которое состояло собственно из нескольких селений с церквями, раскиданных вдоль большого озера, Савва едва было не подвергся нападению от местных сельчан, которые занимались грабежом проезжавших чрез их лес путников. В самом Мценске Савве не пришлось остановиться на почтовом дворе, откуда раздавались людские крики и женские вопли: оказалось, что приехавшие не задолго пред ними почтовые лошади привезли убитых почтальюна и ямщика.

Тула удовлетворила Савву тем, что он встретил в ней первый трактир, но за то удивила его необычным общественным явлением. Когда он вышел на площадь, то увидел до сорока девиц, стоявших толпою, и спросил проводника, что они тут делают, о чем шумят? «Продаются», был ответ. – «Что? Разве люди продаются как скотина?» спросил Савва. «А подите к ним сами», отвечал стражмейстер. На вопрос Саввы девицы заговорили на перебой: «купи нас, господин, купи!» Савву ошеломил веселый вид, с каким девицы говорили о собственной продаже; но он попробовал спросить их: «а пошли бы вы за мной,куда бы я вас не повел?» - «Нам все равно – вам или другому служить», был ответ. По поводу такой встречи Савва Текели пустился сравнивать обычаи Русские и Венгерские. Но так как размышления не объясняли местных обычаев, то пришлось удовлетворить свое любопытство разспросами проводника. Тот, как видно, был знаток Русской народной жизни и рассказал Савве следующее: «Эти девки из крепостных, которых здесь называют крестьянами. Крепостные люди не имеют ничего, кроме души, остальное все помещиково. Помещик может продать мужа от жены, жену от мужа, детей от родителей, избу, корову, даже одежду их может продать. Однако же помещики умеют оберегать и защищать крепостных, которые такому помещику не пожалуют ничего отдать; а бывают между крепостными и очень богатые люди. Рассказывают, что в

1722 году к графу Салтыкову пришли его крепостные в Валахию, где он воевал, и поднесли ему в дар 2,0000 рублей. От этого Россия так скоро успела в фабриках и разных художествах: ибо помещик, взяв сына от отца, отдает его учиться разным ремеслам, пошлет его в Петербург или в чужие земли, к Немцам, либо во Францию, а не то в Англию, и оттуда возвращаются обученные и после по всему царству производят свои ремесла и других им обучают. От того, как бы мало ни было село у помещика, он все-таки имеет своего кузнеца, каретника, портного, скорняка, сапожника и др.». Савва припомнил, что и сам видел у майора Марковича, владевшего всего 70 дворами, не только ремесленников всякого рода, но 14 музыкантов, живописца, двух поваров и пр., все из крепостных. Савва даже нашел, что такой порядок вещей в экономическом отношении несравненно выгоднее, чем существовавший в Венгрии. Там никто не заботится об обучении ремеслам народа, а если и берут ребят из-за хлеба для обучения чему нибудь, то, отслужив известные годы, такой ученик отходит от своего хозяина и остается беспомощным; а сколько средств, забот и времени употребляется в России на совершенное обучение крепостных ремеслам и художествам. «По истине, разсуждал Савва, найвеличайшие памятники воздвигнуты людьми посредством рабства; чрез него же обогатился и самый народ, чтобы потом чрез свободных людей произвести что либо великое». Но в последствии Савва познакомился и с другими сторонами крепостного быта и вот как записал о них в своей автобиографии: «Правда, что бывают и такие негодяи, которые ставят на карту своего крепостного и проигрывают его, или отпускают красивых девиц в Москву и Петербург зарабатывают нечестным трудом деньги с условием, чтобы платили своему господину по 100 и по 200 рублей в год, и тогда могут свободно заниматься своим ремеслом, чему я не верил; но один майор познакомил меня с такою, и когда я сказал ей: «слышу, что ты крепостная, хочу тебя купить и увезти с собою», тогда она стала плакать и просить, чтобы я не покупал ее, и готова была отдать все, чтобы ее не брали из Петербурга; она сказывала, что платит своему господину 10 рублей, но и господин потратился на нее, научивши музыке, шитью и другим занятиям».

С рынка Савва ходил осматривать оружейный завод. Самое здание ему не понравилось, но громадность производившихся на нем работ изумила его. По этому случаю он заметил, что и все Русские полки похожи на движущийся город, в котором можно найти мастера всякого ремесла. С завода Савва отправился в балаганы, где торговали стальными вещами. Он нашел, что целый аршин нанизанных стальных дробин стоил в Туле не более 30 крейцеров, между тем как в Вене каждое зерно стоило не менее 10 крейцеров. Кроме того Савва купил изящно отделанную подушку для шитья, каких в Вене нельзя было найти.

В Москве Савва остановился в Донском монастыре у архимандрита Миланковича, родом Серба, из Нового Сада. Архимандрит этот купил Савве все церковные вещи, приобрести которые поручил ему Петр Текели. Покупка обошлась в 800 рублей. Сам же Савва, вместе с племянником архимандрита, отправился осматривать достопримечательности Москвы: Кремль, колокольню Ивана Великого, царь-колокол, в который они и входили, другой колокол, о котором Савве рассказали, будто в него звонили стрельцы, возставши против Петра Великого, соборные церкви с их богатыми ризницами и мощами, патриаршую ризницу с ее драгоценностями, приведшими Савву в изумление, царские палаты с их сокровищами, которые в тоже время осматривал и Голандский посланник. Савва зашел и в Гостиный двор, хотел приторговаться к мехам, но они оказались несравненно дороже, чем в Вене. Самый Кремль и вид с него на заречную сторону города очень понравились Савве. Поразило его также множество церквей, архитектуру которых он однакож не хвалил, хотя и остался доволен позлащенными куполами. О других постройках он выразился так: «Город совсем не красив; можно увидеть палаты, стоящие до ста тысяч, и рядом с ними избушку в сто рублей». За то Савва с большой похвалою отзывался о таком достоинстве Москвы, которым не обладала, по его словам, столица Австрии того времени и которым уж никак не может похвалиться современная Москва. Даже не верится, когда читаешь в его автобиографии следующие слова: «Но как хорошо, что при таком множестве церквей нет ни одного нищаго, да и в целой России я нигде не видал на улицах просящих милостыни, только кой-где отставные офицеры ходят по домам, прося пособия; а у нас целые цехи нищих, которые одеваются в разодранные платья, а дома едят и бродяжничают».

Из жителей Москвы Текели познакомился только с двумя, к которым возил его архимандрит Миланкович: это были Сабакин и фельдмаршал-лейтенант Милорадович. К первому они сначала явились с визитом, а на другой день обедали у него. Он был человек богатый, и хотя других гостей не было, но за столом служили 13 лакеев в красивых ливреях и в течение обеда играло 12 музыкантов. Сабакин был человек малорослый, вдовый и жил с любовницей. После обеда архимандрит спросил Сабакина без околичностей: «Вы имели жену, а теперь живете с любовницей; скажите мне правду, которою вы более довольны?» Сабакин отвечал: «Скажу вам правду, у меня была добрая жена, но с

любовницей живу лучше; не удивляйтесь тому, батюшка! Эта должна мне угождать, опасаясь, чтоб я ее не отправил, а жене я угождал, ибо иначе было нельзя».

Савва Текели по поводу этого разговора заметил к своей автобиографии, что в России в то время «никто не стесняется иметь любовницу, которая распоряжается в доме как жена, и дети рождаются, которых никто не скрывает, как у нас, но держат их явно, как и законных». Посещение Милорадовича оставило в Савве только два воспоминания: что хозяин не знал посербски, а то порусски, и что в комнатах у него было холодно, так что заезжий гость получил ревматизм в ногах, просидев у фельдмаршала вместе с архимандритом два часа в штиблетах и натянутых брюках со штрипками. Уже только через два года Текели вылечился от ревматизма в холодных купальнях Вилагоша.

Прожив в Москве с неделю, Савва выехал в Тверь, чрез которую проезжал ночью и записал, что во время перемены почтовых лошадей, на башне прозвонили часы, и всех ударов насчитал он 19: оказалось, что в Твери на городских часах время считалось от одной утренней зари до другой на целые сутки.

Новгород, где Савва переночевал, понравился ему своим «увеселительнейшим» видом и торговым характером. Даже не останавливаясь в Царском Селе, наш путник прибыл в Петербург, проехав от Москвы 137 миль по мостовой, сделанной из круглых, неотесанных еловых бревен, от которых при шибкой езде экипаж так трясся, что спутники Саввы нередко кричали от боли: почти вся дорога шла низменными лугами, только кой-где попадались сухие места без деревянной настилки. Прибыв в Петербург, Текели не нашел хорошей гостиницы и остановился в частном доме, где и нанял квартиру в три комнаты. В том же доме жил некий майор из Новой Сербии, большой мот, хлопотавший об отдаче в залог своего имения в Петербургском банке. Паспорт и подорожную у Текели взяли в полицейское управление и возвратили ему лишь тогда, как он собрался в обратный путь. Помещение Саввы приходилось как раз против Исакиевской церкви, которую начала строить Елисавета Петровна, но Екатерина велела разобрать и вновь строить из мрамора: архитектура ее не понравилась Савве. Конная статуя Петра Великого остановила на себе внимание. Адмиралтейство, мраморный и зимний дворцы, дом Ланского, каналы, набережные, Смольный монастырь, Невский проспект, Александровская Лавра, дом умалишенных были осмотрены Саввою в первые же дни по приезде. Невский проспект в то время не достигал до Лавры, и на пути к ней расположено было село, занятое гусарским эскадроном, который был учрежден Зоричем во время его близости ко двору и в котором еще на службе немало Сербов: капитаном был Войнович, у которого и бывал не раз Текели. Между профессорами Александровской Лавры также был один Серб, преподававший философию, имя которого однакож Текели забыл. Затем он побывал в торговых банях и удивился смешению в них посетителей обоего пола и обычаю парящих кидаться зимой в обнаженном виде в снег. На Петербургских театрах в то время играли на многих языках. Русская опера понравилась Савве не менее Итальянской: такого прекрасного пения, декораций и машин, какими отличалась опера «Иван Царевич», он не слыхивал и не видывал даже и в Вене. На Немецком театре он смотрел «Der Ring», который видал и в Вене, но к удивлению своему заметил, что в Петербург Немецкий выговор показался ему грубым, что он объяснял привычкою своего уха к плавному Русскому говору. Мимоходом Савва заметил, что и новые моды проникали в Петербург ранее, чем в Вену.

На Васильевском острове Текели посещал коллегии или дикастерии, царскую библиотеку, кунсткабинет, Академии Наук и Художеств, при чем познакомился с своим соплеменником Янковичем-де-Мириево. В Петропавловской крепости он поклонился гробницам умерших царей, был в Кронштадте и Петергофе, который ему чрезвычайно понравился; посетил Ораниенбаум, где вспомнил о падении Петра III. Наконец съездил и в Царское Село, где осматривал дворец.

Жизнь свою в Петербурге Текели устроил таким образом. Занимая постоянную квартиру, он не имел у себя стола. Отправился было он в рыбный ряд закусить, спросил семги и она ему не очень понравилась, а в добавок неопрятность рыбного ряда произвела в нем такое отвращение, что он никогда более не заходил в него. Он скоро отыскал Итальянский трактир, имевший большую общую залу и много отдельных комнат. Савва сначала поместился в первой, подле громадного стола, на который хозяин разставил до 60 блюд. Неопытный Текели принялся за суп; но пока он сидел за ним, остальные посетители, ходя вокруг стола, накладывали себе в тарелки всего, что попадалось под руку, и в несколько минут все кушанья были истреблены. Уже сам трактирщик, заметив неловкость нового посетителя, подсунил ему кое-какую мясную порцию. А между тем за такое участие в общем обеде платилось по 60 копеек с человека. Тогда Савва, вместе с майором, квартировавшим в одном с ним доме, уговорился с трактирщиком об отдельном обеде для них в особой комнате, так что за 15, 16 блюд им приходилось платить не более рубля. Но о каких других расходах своих в Петербурге Савва не упоминает. Только однажды зашел он в гостинный двор и в меховом ряду купил себе шапку за 10 р., хотя купец и запросил за нее сначала в четверо дороже.

Что касается личных знакомств Саввы в Петербурге, то они, хоть и были многочисленны, ограничивались избранным обществом. Прежде всего он был у графа Безбородки. В приемной он нашел множество посетителей и между ними немало людей, украшенных отличиями. Хотя Безбородко и скоро принял Савву, но, взяв от него письмо, едва удостоил несколькими вопросами о дяде и путешествии и затем отпустил. Представясь Австрийскому посланнику Иосифу Кобенцелю, он нашел в нем чрезвычайно любезного и предупредительного человека. Кобенцель предлагал ему помещение у себя в доме, от чего впрочем Савва отказался, и звал к себе обедать в каждый свободный для него день. У кобенцеля он познакомился с посланниками: Французским Сегюром, Итальянским, который всегда целовался при встрече с Саввою за то, что последний говорил с ним на Итальянском языке, с Испанским Лимою, который также обнимал его всякий раз, как Савва пробовал говорить с ним по-испански. Однажды, придя к Кобенцелю обедать, Савва неожиданно попал в совершенно новое для него общество. «Вижу, накрыт большой стол, писал он потом. Кобенцель объявил, что у него будут обедать актеры. Это было мне необычно, ибо в то время у нас на актеров смотрели как на бродяг. Но еще я более удивился, когда к обеду приехали Русский министр иностранных дел Безбородко, Французский посланник и другие великие господа; оказалось, что комедианты здесь были в чести. При этом Французский посланник читал сочиненную им комедию, в которой особенно понравилось всем, как удачно изобразил он характер горничной».

«Всякое Воскресенье я ходил в придворную церковь. Тут были три-четыре комнаты, которыми царица шла в церковь: первая для Русских министров, другая для иностранных посланников и лиц генерального чина. Чрез эту комнату проходил и великий князь Павел с своею супругою и детьми, Александром и Константином. В этой же комнате, довольно большой, сидели с одной стороны придворные дамы и фрейлины, одетые в драгоценные платья; особенно красива была фрейлина Нарышкина 16 или 17 лет. Я ходил в эту комнату, хотя и не имел генеральского чина; но многие обращали на меня внимание, потому что Французский и Неаполитанские послы, находясь чаще всего подле дверей, куда входили важные господа, всегда здоровались со мной, при чем наш посланник называл меня своим земляком, и это кидалось другим в глаза. Однажды министр представлял царице одного молодого офицера, когда она проходила в церковь; офицер пал перед нею на землю и, кажется, поцеловал край платья; царица едва взглянула на него. Царица не высокая женщина, полна и еще красива; на голове была у ней малая корона с бриллиантами. В третьей, меньшей комнате, толпились штаб-офицеры, которые не могли входить во вторую комнату; в четвертой остальные офицерские чины. И так всякий ранг имел свою комнату. Когда царица выходила, то министры давали знак о том и шли вперед, за ними дети великого князя, потом сам он, наконец царица и за нею придворные дамы. В церкви на передних местах с правой стороны становилась только царская фамилия, а с левой до 30 певчих, одетых в длинные темно-голубые платья. Двор стоял благоговейно, а там за балюстрадой шли разговоры с дамами и фрейлинами. Один священник служил обедню, другой говорил краткую проповедь; служивший выносил царице просфору, она целовала у него руку, а он у нее, после чего царица обыкновенно уходила другим путем; да и в церковь она являлась иногда этим путем, а не вышеописанным. Что мне совсем обычно было видеть в церкви, это именно ангелов, вырезанных из дерева, точно в католических церквах». Далее Савва говорит о церемонии освящения воды в день Богоявления и главным образом останавливает свое внимание на парадной форме кавалергардов, Преображенцев и других гвардейских, конных и пеших, полков. Каски некоторых из них показались ему так украшенными, что и сам Тезей не являлся таким разодетым на театральной сцене. С наступлением зимы Текели был свидетелем конских скачек на Невском льду. Иные рысаки ценились до двух тысяч рублей. Бывала также езда на оленях. Наконец Текели видел о маслянице общенародное гулянье и большое катанье с ледяных гор.

Проживая в столице Русской империи, Савва решил поступить в России на службу и с этою целью подал Иосифу Кобенцелю просьбу на имя императора, ходатайствуя в ней о разрешении остаться в России. Кобенцель отправил его просьбу в Вену и кроме того дал ему письмо к принцу Делиню, находившемуся в главной квартире у Потемкина. Савва однакож не воспользовался этим письмом. Во время его прибывания в Петербурге получено было донесение от его дяди о победе над Кавказскими Татарами: пленных было до 15,000. Екатерина наградила Петра Текели большим крестом св. Владимира.

После четырехмесячного пребывания в Петербурге, Савва Текели выехал к дяде, но не через Москву, а чрез Шклов, для того чтоб повидаться с Зоричем и осмотреть Витебские деревни дяди. Путь не понравился ему: встретив под Петербургом глубокие ухабы, он не шутя принял их за шанцы, вылез из саней и только, провалившись по пояс в необъезженном снежном сугробе убедился, что предполагаемые шанцы и была настоящая дорога. Тут он познакомился и с лыжами. На пути он повстречался с каким-то коллежским ассесором, которому знаком был Шклов. Оба они явились к

Зоричу и были любезно приняты. Дом Зорича не был еще отделан в то время, но уже вполне отстроен был Кадетский корпус на 30 человек, которых он обучал и содержал за свой счет. Приближенные Зорича рассказывали Савве, что его соплеменник, столь близкий незадолго пред тем к Екатерине, лишился Ее милости за то, что не хотел подчиняться Потемкину. Три дня прожил Савва у Зорича, выслушивая от него большею частью рассказы о недавнем путешествии в Венгрию, из коего возвратился за два месяца пред тем. Витебских деревень Савва не видал, ибо не мог разузнать с точностью, где он остановился. На последней станции пред Черниговом, он испытал в довольно морозный день, что такое значит, когда станционное начальство не захочет дать лошадей. Дело доходило чуть не до драки и разрешилось уже в Черниговской полиции взаимным жалобами нашего путника и станционного писаря друг друга. За Черниговом началась оттепель, и Савва переезжал Днепр под Киевом с большим страхом. В Киеве он, разумеется, посетил, прежде всего Печерскую Лавру и ее пещеры. Кроме преданий о почивших в них затворниках, Савва наслушался рассказов о переменах, произведенных Екатериною в управлении монастырскими имуществами и в способе содержания иноков. Затем он посетил только церковь св. Екатерины и поспешил выехать из Киева ввиду наступавшей весны. Переждав в Миргороде, пока пути поправились, Савва выехал к Кавказской линии. Из Миргорода он должен был отпустить на родину слуг, взятых им из Венгрии, а вместо них выбрал двух парней между крепостными людьми своего дяди. Из Кременчуга Савва поехал вместе с курьером, который отправлялся на Кавказскую линию. В Бахмуте по совету курьера, Савва посетил губернатора, который жил в небольшом деревянном доме. Губернатор, который встретил гостей в разорванной бекеше, а за обедом, хотя и жил в местах кругом заселенных Сербам, и хотя знал, что у него в гостях племянник Петра Текели, так дурно описывал Сербов, называя грубыми и непослушными и приписывал им такие недостатки, что едва удержался, чтобы не отплатить ему тем же и заметил, что Сербы - не Русские крепостные, имеют свою душу и не привыкли к работе.

Земля войска Донского понравилась Савве. Он сравнивал казаков с Австро-венгерскими граничарами. Все земли были разделены между казаками, и последние не зависели от помещиков; но многие из казацких старшин, заняв огромное пространство земли под пастбища для своих стад, построили на них сперва шалаши и мазанки, а потом мало по малу населили их своими крепостными, через что и в земле Донских казаков завелось крепостное право.

Прибыв в Аксайскую станицу, где в то время находилось главное управление казаками, Савва увидел широко разлившийся Дон. Казацкий генерал, узнав о его прибытии чрез курьера, пригласил к себе его на обед. Генерал жил в хорошем одноэтажном каменном доме. Савва провел у него время очень весело, ибо у генерала были две красивые дочери, которые болтали с гостем по-французки, хотя и одеты были в народные платья. С большим трудом Савва и курьер переправились через Дон. Отправляясь в степь, он должен был купить двух верховых коней, - одного для себя, другого для вещей, ибо в степи не было почтовых станций; курьера же перевозили от форпоста до форпоста линейные казаки на своих лошадях. Под Аксаем Текели видел первые Калмыцкие юрты, осмотрел их, описал внешний вид Калмыков и Калмычек, их одежду, пищу и житейскую обстановку. Впоследствии от одного из Калмыцких родоначальников он получил в подарок красивый лук со стрелами.

От Дона до Донской Слободы считалось около сорока миль, но на всем этом расстоянии не было ни одного села; только чрез каждые 2 или 3 мили попадались небольшие редуты, вооруженные одною или двумя пушками и занятые пехотными солдатами, от 20 до 50 человек, и казаками в таком же количестве. Эти сторожевые редуты назначены были для охраны почт, курьеров и других путешественников. Еслибы какой путник, прибывший в один из таких редутов вечеров, захотел продолжать свой путь, то не был бы выпущен до утра, когда возвращаются ночные патрули из степи или окрестного леса: только курьеры могли ездить ночью. Таким образом Савва продолжал свое путешествие уже один, сопровождаемый от редута до редута очередными казаками. Для него и для вещей устроен был в Донской Слободе самодельный экипаж, собранный из разнокалиберных колес, запасных сидений и дышла с крышей, плетеной из лыка и укреплявшейся на небольших колышках. Но казацкие лошади, непривычные к упряжи, нераз грозили опасностью такому экипажу; при выезде из одного редута, стоявшего на берегу реки, лошади, сведенные вниз под уздцы казаками, подымаясь в гору, понеслись, выбросили седоков и вещи и скрылись в степь. Одни казаки кинулись ловить их, другие принялись за починку экипажа. Вышло такое изобретение, что жители следующих редутов с изумлением осматривали экипаж Саввы, который объяснял им, что он едет из Петербурга и там такие экипажи в моде. С тех пор Савва Текели странствовал по России уже не иначе, как имея при себе запасные ремни, веревки, пару деревянных брусьев, ось, бурав и топоров.

Прибыв в Георгиевскую крепость, Савва нашел дядю больным. Незадолго пред тем, получив в дар от одного Черкесского князя красивого скакуна, не привыкшего к удилам, он оседлал его по своему и

когда, сев на него, хотел потянуть за узду, конь перекинулся назад и повалился на упавшего всадника. Петр Текели долго провалялся в постели и только необычайно крепкая натура спасла его от смерти. Больной принял племянника сердито. Пока дядя был болен, Савва, познакомившись с одним инженером, обошел все предкавказье, срисовал у него многие карты, на которых нанесены были тамошние местности. Другого занятия не знал в это время Савва, живя в деревянном бараке, обитом снаружи полотном, а изнутри зеленым сукном и разделенном на спальню и столовую, с стеклянным окном в каждой. Он достал специальные карты отдельных местностей Кавказа, составленные в генеральном штабе, между коими были даже карты каждой горы, реки и потока; он переносил их на одну общую карту, доводя ее за Яик до Монгольских пределов. Начались и другие занятия так, он осмотрел развалины древнего города, находившегося близ Георгиевска вниз по реке Куме. Они назывались Маджары, и на их месте существовало маленькое сельцо. Савва решил, что тут некогда жило Мадьярское племя, ибо историки говорят, что оно переселилось в Европу из-за Дона. Близость рек Терека и Кумы к развалинам Маджар дали повод Савве выводить отсюда Мадьяр, Куман и Турок, как одноплеменные народы; ибо с одной стороны Византийские историки называли Мадьяр Турками, с другой – и в лексическом, и в синтаксическом отношении Турецкий и Мадьярский языки сходны между собой. Кавказские горы Текели видел только издали: из Георгиевска они представлялись в виде белого длинного полотна, протянувшегося по направлению от Черного к Каспийскому морю; ибо эти горы покрыты были вечным снегом, и среди этих снежных вершин возвышалась, как копна в поле, одна, которую Татары называли Шар, а Русские – Эльбрус (древняя Erberus). Тогда рассказывали, что до последнего времени никто не восходил на вершину Эльбруса; но за три года пред тем генерал-поручик Эммануил, родом Серб из Вержца, пообещал от 100 до 200 р. тому, кто поднимается на эту вершину, и после многих затруднений одному Черкесу удалось достигнуть цели и поставить на горе изображение Русского орла с крестом. Немало занимало Савву и само население Кавказа. Он верил, что там можно было насчитать до ста разноплеменных родов, жившим по разным законам и обычаям. Прежде всего он познакомился с Немецкими поселениями, расположенными под Моздоком вдоль Терека. Затем он видел Ингушевцев, о которых ему рассказывали, что они верят в св. Илию, и если случайно молнией убьет какую женщину, то они радуются и принимаются за веселую пляску, говоря, что Илия взял ее себе в жены, затем кладут труп на телегу, запряженную волами, и куда они двинутся, туда идет за ними и народ, а где остановятся там и погребают тело. От Кавказских племен безпрестанно приезжали к Петру Текели разные люди: одни, чтоб посмотреть на генерала, другие для переговоров. В то время Кабардинцы и Черкесы были в союзе с Русскими, и два князя их, посетив генерала, заходили в шатер к Савве. На них были надеты кольчуги, а от ручных сочленений до локтя шла шина из отлично выделанного железа, которую они и подставляют, если кто захотел ударить их саблём по голове. Оба они были в шапках, имевших форму срезанной дыни и обшитых позументом; шея голая; одежда, как выражается Текели, на подобие «наших Аттил или Зриний»; пояса шелковые с золотом; на груди с обеих сторон по шести патронов; нижнее платье белое, а на ногах из черной кожи башмаки. Они подарили Савве другой лук со стрелами. Третий Черкес, постоянно живший в Георгиевске, выучил Савву стрелять из лука. Тут же он ближе познакомился с Селим-Гиреем, сыном бывшего Крымского хана, и с Грузинским царевичем, которого он называет Хираисием. С первым Савва ездил иногда в окрестные Татарские села, и жители падали ниц пред ханычем, а иные целовали подол его платья. Текели так описывает быт Кавказских Татар: «Села их состояли из изб, расставленных в общий круг, дворы покрыты тростником; на ночь скотина загонялась в эти дворы; но Татары часто крали ее друг у друга. Девушки носили красную шапочку, белую рубашку, перехваченную поясом и иногда украшенную шитьем, красные шаровары, а женщины одевались точно также с тою лишь разницей, что голову покрывали белым полотном, а верхнюю одежду носили из бумажной материи, преимущественно красного цвета. Женщины были толще, девицы тоньше, ибо последних нарочно кормили не до сыта; но те и другие имели естественную белизну и румянец на лице и были несравненно красивее Ногайских Татарок». Савва охотно водился с казаками, которые обучали его наездничеству, и знаком был с некоторыми из их офицеров. Он был в дружбе с толмачами разных языков, которых было много в Георгиевске, и при помощи их записывал разные сведения о туземных наречиях. Знал он также одного Немца штаб-лекаря, который обыкновенно угощал Савву наилучшим Токайским вином, какое только случалось пивать ему в Венгрии. На вопрос: откуда у него такое вино, лекарь отвечал, что царица отдала его в аптеку для больных солдат, но он уже почти все выпил с приятелями, а солдатам дает туземный чихирь, Татарское питье, которое готовится так: когда настоящее вино сцедят, то в чан опять нальют воды, и она, смешавшись с отстоем и простояв дней десять, примет винный вкус и запах, - пьется много, а напиться до пьяна нельзя.

Текели замечает, что в речных долинах на Кавказе, кроме винограда, росли смоква, яблоки, персики и т. п. плоды. Но все это росло единственно под покровом природы; обработанных садов почти не было;

около Кизляра разводился рис, фунт коего стоил 2 копейки. Из зверей водились рыси, леопарды, гиены и другие хищники, для яств употреблялись олени, серны, кабаны, зайцы. В степях к Дону водился зверок байбак, в роде кошки с рыжею шерсткою, жил в норах, как мышь; выходя из норы, он обычно свистал как человек; а если кто-нибудь приближался к нему, то опять свиснув уходил в нору. Однажды Савва провел несколько часов за охотою на этого зверька: скроется в одну нору, а появится потом где-либо в стороне; только что обернется к нему, он опять в нору. Так и не удалось убить ни одного, другое дело, если бы охотились вместе человека три. Из птиц водились дикие гуси и утки, фазаны, тетерева, рябчики. Некоторые из них было такого красного цвета, как сукно на гусарах. Особенно много было куропаток, которых казаки били, подкрадываясь к ним под прикрытием, сделанным из полотна, наподобие лошади; от краев такого прикрытия шли длинные крылья, ими ловец и охватывал часть пространства, на котором паслись куропатки. Последние так глупы, что принимают полотно за настоящую лошадь и даже клюют подошедшего казака в ноги. Иногда казаки ловят таким образом целое стадо, которое, посолив как белугу, посылают далее на продажу. Драхвы также подпускали к себе шагов до десяти. В реках водилась рыба, похожая на сельдь и появлявшаяся в большом количестве дважды в год. Белуги, осетры, карпы, макрель водились во множестве; фунт икры стоил не более 30 копеек. Раков же ни никогда не видал столько на своем веку Текели. Все берега усыпаны остатками от них, ибо ловцы вырывали только белое мясо, а остальное кидали на месте. От 30 до 40 раков можно было купить за копейку. К Савве в барак чрез каждые три дня приносили новую траву, и однажды ночью проснувшись он подумал, что его барак горит: так много было светляков и в траве и по всей комнате.

Хорошо жилось Савве Текели в тех местностях, но не было у него ладов с дядею. Многие думали, что Петр Текели возмет племянника себе в адъютанты, но этого не сбылось. С каждым днем он показывал все более и более не только равнодушие но иногда и ненависть к Савве. Последний перестал ходить на обеды к дяде и имел стол у полковника Павлова, который также не пользовался расположением Петра Текели. Когда дядя совсем выздоровел, Савва стал мало по малу приготавливаться к отъезду, но в то же время разузнавал о причинах такой немилости со стороны дяди. Отчасти тогда же, отчасти впоследствии, он узнал что виновниками таких отношений к нему Петра Текели были: любовниками последнего (который имел от нее сына и дочь), другой дядя полковник Лазарь, у которого было три сына и две дочери майор Игнатий Степанович, пользовавшийся полным доверием генерала, заведывавший его денежными делами и надеявшийся после смерти быть душеприкащиком его, что и сбылось к их несчастью, и майор Островский, первый адъютант Петра Текели, женатый на дочери Станковича. Они напели старику в уши, будто-бы Савва, проживая в Петербурге, подавал жалобу Государыне на дядю за то, что он ввел в их фамилию незаконных детей. Кажется, этой выдумке верил и дядя Лазарь, ибо сам открыл ее Савве; но последний объяснил ему, что, будучи юристом не мог подавать такой жалобы, ибо признает за всяким право свободно располагать своим имуществом. Прощание дяди с племянником было сухое: не было ни вопроса о том, зачем уезжает, ни приглашения оставаться. Уже на другой день, пред самым отъездом Саввы, Петр Текели прислал ему 2000 рублей. Хотя у Саввы было достаточно денег на путевые издержки; но, не желая ссориться с дядею, он принял подарок. Но когда он кормил лошадей на первой станции, его догнал курьер с письмом от адъютанта, который требовал возвращения двенадцати пар ножей, полученных им еще в Миргороде чрез тамошнего адъютанта Петра Манойловича, которому он и хотел возвратить их под росписку. Савва отвечал письмом к Островскому, требуя, чтобы оно было показано Петру Текели. В письме Савва жаловался, что дядя, во все время пребывания его в Георгиевске, с весны до Сентября, не требовал ножей, а теперь, отпустив уже в дорогу, послал за ними как за украденною вещью, и что он готов возвратить теперь не только данные деньги, но и подаренную некогда казацкую сбрую, отделанную серебром, ибо дорожит своей честью больше, чем богатством. В письме было прибавлено, что Савва будет ждать ответа от дяди на той же станции. Вместо того дядя прислал Савве приказ ко всем властям давать ему в проводники по два казака для безопасности, и Савва поехал далее.

До Ставрополе путники проехали покойно; тут повстречались им казаки, которые спешили в городе в вестию, что Татары прорвались сквозь кордон и захватили в плен 13 женщин и детей. Савва, разсудив, что Татары не будут долго держаться с пленными за кордонной линией, решился продолжать путь; но ему пришлось в течение нескольких часов укрываться в одной роще от группы всадников, скакавших в стороне по степи и показавшихся его проводникам Татарами. Савва и его спутники могли встретить врагов восемнадцатью выстрелами, но никто не нападал на них, и к полночи они прибыли в станицу Московскую. На следующий день Савва не успел доехать до села Донского и ночевал недалеко от него под стогом сена. От Донской до Аксайской станицы не произошло ничего замечательного с нашим путником: он записал только, что в огородах одной станицы он видел необыкновенной величины огурцы, до фута длины, встречал в полях много дико растущего хрена, тюльпанов и

петушьих гребешков. «И так, прибавляет он, пройдя эту пустыню, я переехал чрез Дон у Аксайской станицы и остановив тут Азию, вступил в Европу». На этот раз Савва познакомился в Аксае с местными винами и нашел, что они ни в чем не уступают лучшим Венгерским. С еще меньшими приключениями проехал Савва от Аксае до Кременчуга; только, проезжая чрез одно село бывших Запорожцев, он побаивался, чтобы местные жители не узнали, что он племянник генерала, разорившего их Сеч. Из Кременчуга он проехал к другому дяде в село Александровку. Здесь он размышлял о том, не отправиться ли прямо к Потемкину и проститься к нему в службу: ибо в России в то время ученую степень доктора приравнивали к майорскому чину; но разсудил, что Потемкин может встретить его замечанием: если бы ты был годный к службе человек, то зачем было бы родному дяде отпускать тебя? И так Савва решился ехать на родину и отдал подаренные ему дядеу Петром 2,000 р. дяде Лазарю, взяв с него квитанцию, по которой мог получить равноценную сумму из экономии, управлявшей Венгерскими именьями дяди Петра.

Не так-то скоро отделался Савва от гостеприимных соплеменников своих, засевавших в Новосербии. Целая неделя прошла в обедах и ужинах, на которые приезжали гости по соседству, а в промежутках шли танцы и пляски. Затем дядя Лазарь собрался провожать племянника, и на пути заехали к генерал-порутчику Чорбе, дядиному тестю; тут снова пиры. Потом и с целым семейством Чорбы поехали к генералу Хорвату. Там ожидал их бал с музыкой, а на другой день большой обед. Оттуда, все, в том числе и семья Хорвата, направились к некоему Диме, где последовало новое пиршество, и затем с Димичами вся компания собралась к полковнику Станковичу. Напировавшись и наплясавшись у него и опять-таки вместе с его домочадцами, выехали все к другому Хорвату, майору, так что ему пришлось угощать уже 94 человека гостей, и при них 96 лошадей. Так проводили время отцы и деды Гоголевских старосветских помещиков. После двухдневного пребывания у Станковича удалось наконец Савве, поблагодарив родню и новых знакомцев своих за любовь и угощение, подняться в Миргород. Однакож и в Умани ему пришлось угощаться у тамошнего майора, родом Серба. Здесь во время ужина так искусно играли на гитаре два крепостных казачка, подплясывая под свою гитару, что Савва хотел было купить одного из них у майора за 100 дукатов; но вспомнил, что в Венгрии нет крепостного права, и купленный им может, прибыв туда, искать себе свободы. Охотниками до свободы оказались даже нанятые Саввою люди: едва он переехал за Польскую границу, как бежал от него кучер; остался при нем только слуга-парнишка, но и тот впоследствии спился.

У Тарнополя Савва подвергся осмотру Австрийской таможни: у него отобрали лук со стрелами, как военную контрабанду. Во Львове ему удалось выхлопотать у главного начальника Галицких таможен приказание возвратить отображенные у него вещи; но так как Тарнопольская таможня подчинена в средней инстанции таможне Бродской, то и приказание должно было идти сперва в Броды, а оттуда вместе с предписанием от местного начальства уже в Тарнополь. Отвезти приказание и принять вещи вызвался Еврей фактор. Путешествие его обошлось Савве в 35 дукатов и кроме того задержало его на 4 дня во Львове. Таким бюрократическим приемом встретила Австрия возвращавшегося на родину доктора прав. В Венгрии же ему сказали о нашествии Турок и мятеж Румын в Трансильвании. В Араде Савва уже не нашел никого из своих родных: все бежали ввиду воинственных слухов. Савва поспешил в Пешт, куда и прибыл во время Рождественских праздников⁴. В столице Венгрии уже никто не говорил о блестящем докторском диспуте Текели. Все забыли молодого светского Серба. Савва решился напомнить о себе оригинальным способом. Он отправился на один из общественных балов, надев богатое Татарское платье, а на лицо маску, и перекинув за плечо лук со стрелами. Великовсетские дамы, особенно графини Алмаши, Радаи и Гадек, стали расспрашивать его; но он говорил только потурецки. Привели одного грека, который понимал потурецки и стал переводить им речи Текели; но никто его не признавал за Турка, находя ответы его слишком цивилизованными для поклонника Магомета. Графиня Гадек пригласила его на менует, Текели не отказался; дошла очередь до Gombre, Савва и тут отличился. Это собрало около него чуть не всех присутствовавших на балу: одни разсматривали его одеяние, другие – оружие. Пред разездом дамы просили его быть и на следующем балу. Текели, разумеется, не отказался. Когда Татарин показался в обществе, то познакомившиеся с ним накануне дамы стали рекомендовать его небывшим на вчерашнем балу, изъявляя при этом сожаление, что представляемый говорит только потурецки. Но к удивлению их Татарин объявил, что, желая сделать приятное Пештским дамам, он за ночь изучил все языки, на которых говорят в городе. На него посыпались вопросы на Французском, Итальянском, Мадьярском, Словацком, Сербском и Греческом языках, и на все получены ответы. Вопрошавшие дамы решили, что переодетый Татарин должен быть Австрийский посланник в Константинополе граф Эстергази, и просили его продолжать свои посещения общественных балов. На следующий раз Текели явился в костюме Еврея и хотя без маски, но сильно загримированный, и опять никто его не узнал. Общее

любопытство росло и в следующие дни, а между тем Савва стал одеваться все проще и проще, пока не был узан женою одного из членов «Септемберского стола». Так удалось Савве Текели снова занять место в общественной жизни своей родины и познакомиться с аристократическим миром ее, после двухлетнего отсутствия из Пешта.

Недолго жалел он о том, что ему не удалось остаться в Русской службе: он опять посвятил свои силы и способности на служение Венгрии и в особенности Сербам. Только спустя два года по приезде из России он столкнулся с возвратившимся оттуда же Петром Стояновичем, который виделся с его дядею и рассказал ему следующее. Потемкин спрашивал старика Текели: «как вы, Петр Абрамович, ни одного из ваших двух племянников, таких хороших молодцов, не удержали при себе?» Старик извинялся, говоря, что у племянников хорошие имения в Венгрии, которых им не хотелось оставить. Потемкин, кажется, не поверил такому объяснению; не верили и другие. Но дядя распорядился хорошо: без его сурового приема, Венгерские Сербы лишились бы в Савве Текели одного из лучших народных деятелей своих, первого покровителя школ и возрождавшейся Сербской литературы.

Нил Попов.

¹См. мою статью «Военные поселения Сербов в Австрии и Росии», в Вестнике Европы за 1870 г., кн. VI, стр. 604.

²Савва Текели не называет фамилии.

³«Твора», или как объясняет Савва Текели в примечании к этому месту: на один глаз раскосый, как и называли Потемкина Сербы, когда хотели, чтобы Русские не понимали, о ком идет речь.

⁴Здесь оканчивается та часть автобиографии, которая напечатана в «Сербской Летописи»; дальнейший рассказ заимствуем из брошюры Субботича (стр. 40-41).